

Николая Николаевича Любимова¹ — моего друга и соседа по даче.

Надеюсь, что зимой встретимся!

Не забывайте

преданного Вам и любящего

С. Борового

¹ Любимов, Николай Николаевич (1894-1975) — видный экономист, историк, профессор Московского финансового института и МГИМО. Лето проводил, как правило, на своей одесской даче, по соседству с дачей С. Борового.

Семен ВАЙНБЛАТ

Двадцать пять лет и "Всего тринадцать месяцев"

В свое время Юрий Зиновьевич Дынов был, как говорится, на виду всей Одессы — заслуженный артист Украины, великолепный баритон, эффектная внешность, искрометный талант, первые роли во многих опереттах, словом, баловень судьбы, любимец публики. Гораздо меньше людей знали о том, что он вместе с Владимиром Валовым написал либретто спектаклей "Страсти святого Микаэля" и "Дворец прекрасной дамы", был одним из авторов русских вариантов музыкальных пьес "Лисистрата" и "Кин"... Но во всем блеске его несомненное литературное дарование проявилось, конечно, в таком трудном, а потому редком жанре как драматическая поэма "Всего тринадцать месяцев" (Пушкин в Одессе). Рукопись пьесы Юрий Дынов зарегистрировал в Одесском управлении по печати 17.02.1968 года.

Пушкинисты обычно ревностно и настороженно относятся к тем, кто, по их разумению, самочинно, вторгается в сферу их деятельности. Тем более ценным для автора стал отзыв о поэме известного пушкиниста Татьяны Цявловской, которая, назвав ее "очень серьезным и талантливым произведением", подчеркнула, что "пьеса ничем не оскорбляет придирчивое ухо человека, посвятившего жизнь изучению Пушкина...". Восторженной была и оценка академика Д. Благого: "Несмотря на то, что среди авторов пьес о Пушкине такие мастера, как Булгаков и Паустовский, ни одна не может быть признана по-настоящему удачной, пьеса же одесского автора, наоборот, имеет много достоинств: она написана живым и острым стихом, полна драматургического движения".

На Всесоюзном пушкинском конкурсе 1974 года пьеса Дынова была удостоена диплома I степени, ее поставили театры Ленинграда, Казани, Курска, Харькова, одесситы помнят ее в блистательной постановке Русского театра.

Зрительский успех, прекрасные отзывы критики... Что, казалось бы, нужно еще? А еще Дынову хотелось напечатать свою поэму — вполне естественное желание автора. Но ни в одном издательстве страны опубликовать ее не хотели. Так и пролежала рукопись в столе чуть более 25 лет, изредка доставаемая для очередного безрезультатного представления издателям... И только в 1994 году стараниями близкого друга автора Тать-

яны Борисовны Подзюрской при спонсорской поддержке Международного благотворительного фонда возрождения Одессы имени братьев Дерибас и одесского "Кредобанка" издательство "Маяк" выпустило поэму Дынова миниатюрным подарочным изданием с иллюстрациями художника Геннадия Гармидера, для которого пушкинская тема была и остается традиционной.

Мне известны некоторые перипетии издания этой книги, потому что довелось быть ее редактором.

Драматическая поэма Юрия Дынова в течение месяца исчезла с книжных прилавков и прочно заняла место в ряду библиографических редкостей, но за семь лет так и не удостоилась ни одной значительной рецензии.

Спектакли с участием Дынова я видел сразу же после перебазирования Львовского театра оперетты в Одессу, но лично с ним познакомился намного позже, в 1972 году, когда приехал на 10-дневные курсы во Львовский полиграфический институт. В те времена было модно время от времени посылать издательских работников на курсы повышения квалификации. Курсы курсами, но по вечерам я любил ходить в театры. В это время во Львове гастролировал Одесский театр музыкальной комедии. Мой одноклассник по 107 школе Зиновий Аврутин был заведующим литературной частью театра, и почти все львовские вечера я провел в театре. Зорик снабжал меня контрамарками. А после спектаклей мы проводили время с его коллегами. Так я познакомился с Михаилом Водяным, Маргаритой Деминой, Евгенией Дембской, Юрием Дыновым. После возвращения в Одессу я изредка с ними встречался, но это отдельный рассказ.

С Юрием мы виделись во время его ежедневных прогулок возле дома. Он жил на Пушкинской угол Еврейской, на расстоянии одного квартала от издательства "Маяк". Об издательских делах мы никогда с ним не говорили. Моя фамилия ему не была известна. Во время встреч артист любил рассказывать анекдоты, читать эпиграммы: они были колючие, но остроумные, меткие. У нас были хорошие приятельские отношения, но дружба началась в тот день, когда я пришел к нему для составления издательского договора на публикацию поэмы "Пушкин в Одессе".

В 1993 году издательство "Маяк" все чаще стало выпускать книги за счет средств авторов или при помощи спонсоров. В это время Татьяна Борисовна Подзюрская принесла в издательство рукопись Дынова. На главной редакции было принято решение передать ее мне для апробации. Пьесу я в свое время видел. Но одно дело смотреть спектакль, другое — читать саму пьесу. Поэма мне понравилась. И я написал положительную внут-

ренную рецензию, так называемое редакционное заключение, в котором одобрил рукопись и рекомендовал ее к изданию.

Но тотчас приступить к редактированию я не мог. Дело в том, что Фонд возрождения Одессы — главный спонсор издания — к этому времени еще не был готов перечислить издательству нужную сумму, а она по ценам того времени, когда в ходу были так называемые купоны, составляла более девяти миллионов карбованцев. Вспоминаю, сколько писем пришлось писать на имя Наталии Борисовны Коваленко — председателя этого фонда, которая не отказывалась перечислить деньги, но каждый раз просила еще немного подождать.

Прошло несколько месяцев, и вот желанный день наступил. Предварительно позвонив по телефону, я договорился с Дыновым о времени встречи. Следует сказать, что за то время, пока шли переговоры со спонсорами, мы ни разу с Дыновым не встречались. К этому времени он был уже серьезно болен, и травмировать его всеми перипетиями издательского процесса никто не хотел. Разумеется, Дынов получил мою рецензию, мы изредка общались с ним по телефону, но он не подозревал, что я, с которым он встречался во время прогулок на Пушкинской, и есть редактор его будущей книги.

Я нажал на звонок, но пришлось немного подождать. Дынов открыл дверь и с недоумением посмотрел на меня. Мой приход в это время для него был совсем не кстати: он ведь ждал прихода редактора, а пришел я. В коридоре мы несколько секунд смотрели друг на друга. Я чувствовал, что он хочет узнать цель моего прихода. И я сказал: "Юрий Зиновьевич, я ваш редактор".

В одно мгновение на его губах появилась легкая улыбка:

— Дорогой, как хорошо, что это оказался ты! Признаюсь честно, ты даже представить себе не можешь, как я опасался встречи с редактором. У меня сейчас будто гора с плеч.

А потом были многочисленные встречи, долгие беседы о жизни и судьбах театра. Узнав, что я председатель Одесского городского эсперанто-клуба, он заинтересовался международным языком, задавал много вопросов. Я читал ему переводы песен и стихов.

— А ты бы мог перевести поэму на эсперанто? — однажды спросил Юрий.

— Думаю, смог бы.

У нас сразу же возникли дружеские отношения. И если в первые дни работы над рукописью Дынов называл меня по имени-отчеству, то уже

через несколько дней обращался ко мне только по имени и просил называть его Юра. Это произошло очень естественно.

Работать с Дыновым-поэтом было легко и приятно: он понимал все буквально с полуслова, редакторские пожелания, если они обоснованы, принимал без особых возражений.

Для редактирования Юрий дал мне экземпляр рукописи, по которой его поэма ставилась в театрах СССР. Насколько позволяет память, я попытаюсь проследить некоторые нюансы редактирования рукописи. За 32 года работы в издательстве у меня выработался свой подход к произведениям, которые писали талантливые люди. Я почти никогда без согласования с ними не вычеркивал что-либо из рукописи. Этого правила я придерживался и в работе над поэмой Дынова.

"Всего тринадцать месяцев" — первая и последняя прижизненная книга поэта Юрия Дынова. В 2001 году вышла из печати вторая — сборник стихов "Главная роль". Вышла книга в Одессе, в то время как ее автор, сраженный тяжелым недугом, был далеко от города, с которым связана большая часть его творческих взлетов. И, очевидно, мало кто в настоящее время сможет рассказать о его творческой лаборатории. На кое-что я могу пролить свет, так как при работе над рукописью поэмы мы хорошо понимали друг друга. По некоторым черновикам, которые у меня сохранились, могу проследить, как Дынов работал над стихом, над строчкой, над словом.

В то время он редко выходил из дому. Жены целый день не было дома — она работала редактором на киностудии. Сын приходил из школы поздно. А так как квартира Дынова находилась на расстоянии одного квартала от издательства, то директор разрешил мне редактировать рукопись дома у больного поэта. Однажды Дынов сказал: "Наверно, то, что я живу на Пушкинской, подтолкнуло меня написать поэму. Может, живи я на другой улице — ее и не было бы".

Поэма начиналась так:

Пролог

Шум моря. Шум бесконечный. Шум призывный. Он должен пройти через весь спектакль, как его нерв, как его музыка. У портала тополь. Вершина его не видна. В продолжение всего спектакля, меня окраску, он вводит во время действия.

Сейчас июль 1824 года... Тополь по-летнему полнокровен и зелен.

Пушкин

Вот и пришел он, моего отъезда день...
Приезд... Отъезд... Меж ними — год решений.
Тринадцать месяцев... И каждый, как ступень...
Ах, если б знать, куда ведут ступени?!
Как год назад, июльская жара,
У тополя такие же одежды...
Зеленый цвет... Зеленый цвет надежды.
Таким ты был и год назад... Вчера...

Затемнение

Как видим, поэма начинается с момента прощания Пушкина с Одессой. Пушкин как бы окидывает взглядом прожитые в Одессе месяцы. И действие первого акта переносится в 1823 год, когда поэт прибыл в Одессу.

Пролог мне понравился. Редакторская правка здесь была минимальной.

И я перешел к первому акту. Но на следующий день меня ждал сюрприз.

— Ты будешь смеяться, — сказал Дынов, — но в эту ночь я плохо спал и пришел к выводу, что пролога не будет.

Я тут же открыл рукопись, перечитал начало поэмы.

— Жаль, — говорю, — хорошие стихи. Не хотелось бы потерять хоть эти строки: "Тринадцать месяцев... И каждый, как ступень... Ах, если б знать, куда ведут ступени?!". Кроме того, как быть с тополем? Он у тебя как символ надежды проходит через весь спектакль.

— Не волнуйся, тополь я не выбросил. Пролог — это только предлог, чтобы Пушкин вспомнил о самых важных в его жизни событиях. Вместо пролога я написал "От автора". Представь: сцена, тополь, звучит голос автора. И это уже не только Пушкин, а взгляд нашего современника через столетие, и даже ответ — почему Пушкин нам близок сегодня. Послушай.

От автора

Есть старый дом в Одессе новой...
Лозой увитая стена...

И тополь тридцатиметровый
У окон, где ждала она.

Он втрое вырос выше зданья.
Как остров в море суеты.
Он перерос свои желанья,
Он перерос свои мечты.

Поэт и тополь однолетки.
И в ту далекую весну
Тянулись их мечты и ветки
К ее заветному окну.

А век спустя все тот же ветер,
И с крыши капли, как шаги...
И в те же окна рвутся ветви
Совсем живые, как стихи.

Такое вступление мне понравилось.

Воспользуюсь случаем, чтобы показать, как Дынов работал над словом. Он очень чутко относился к замечаниям и советам. Никогда ничего сразу не отвергал.

Вот каким стало последнее четверостишие "От автора" до редактирования:

И по утрам, спустя столетье
Из крана капли, как шаги...
И в окна рвутся ветки эти...
Совсем живые, как стихи.

Я сказал Дынову, что не обязательно, чтобы капли падали только "по утрам" — они могут падать в любое время суток. А слова "из крана капли" наталкивают на мысль, что в доме, куда стремился поэт, из крана постоянно течет вода. "Может быть, кран нуждался в ремонте", — пошутил я.

Следуя логике, я предложил ему для обрамления поэмы написать от имени автора что-то вроде эпилога.

Юра посмотрел на меня с хитрецей и сказал:

— Я знал, что у тебя возникнет такая мысль. Вместо эпилога я написал еще одно лирическое отступление.

И он прочел:

От автора

Тринадцатый месяц.
Одесские встречи...
Как можно не верить
в наивность примет?
От Черного моря
до Черной речки
Ему оставалось
тринадцать лет.

В связи со строкой о "приметах" я сказал Юре, что в приметы не верю. — А я верю, но дело не во мне. Пушкин верил.

Поэма заканчивалась сценой, которую Дынов по моему предложению исключил из рукописи. Сама по себе эта сцена интересна. В ней Пушкин перед отъездом из Одессы покупает у мальчишки-птицелова клетку с птицей и выпускает птицу на свободу. В театральной постановке это было весьма зрелищно и символично, но, будучи включенной в книгу, сцена представлялась мне искусственной. В ней было что-то нарочитое, рассчитанное на эффекты, менее всего сочетаемое с поэзией Пушкина. Здесь были использованы театральные приемы. Дынову хотелось, чтобы Пушкин не только говорил, но и действовал, например, выпускал на волю птицу.

Мне же не хотелось, чтобы даже маленький фальшивый штрих испортил впечатление от художественной силы поэмы. В реальной жизни, я думаю, Пушкин еще до отъезда раздал бы долги всем, кому задолжал. Я сказал, что неправдоподобно, чтобы в день отплытия Пушкина к нему пришли именно те, кому он был должен. Это извозчики, которые возили поэта к морю подышать воздухом или на дачу Рено, это и поставщик чернил. Создается впечатление, словно они собрались перед его домом в надежде, что Пушкин вспомнит о своих долгах.

Дынов согласился с доводами и даже объяснил, что написал эту сцену специально для театра. В ней есть очень хорошие строки, по-настоящему поэтичные. Страницы, которые были изъяты из пьесы, у меня со-

хранились. Как писал Юрий Олеша, "ничего не должно пропадать из написанного".

Текст публикуется в авторской редакции. Я оставил в нем все без изменений.

Утро отъезда. Никита с людьми выносит к коляске вещи Пушкина.

Никита

Несите осторожнее, бродяги.

Первый

Там что, стекло?

Туманский

Да нет, бумаги.

Пушкин

Кому я должен? Налетайте.

Первый

Я в море вас дышать возил.

Пушкин

За воздух, значит? Получайте.

Тебе?

Второй

За полведра чернил.

Пушкин

А ты возил меня на дачу
Благословенного Рено.
Возьми. И столько же в придачу.
Еще мздоимцы есть лихие?
Кому-то должен я еще?

Туманский

Да.

Пушкин

Не тебе ли?

Туманский

Нет. России.

Пушкин

Ну, это неоплатный счет.

(К Пушкину подходит Оборванец, с живым интересом наблюдающий сцену раздачи денег).

Тебе?

Оборванец

Нет. Мне вы не должны.

Но просто деньги мне нужны.

Пушкин

С ума сойти от смеха можно.

Я должен всем и вся за всех:

За то, что я пишу, — я должен.

За то, что я дышу, — я должен...

Все в долг. А что же здесь мое?

(Хохочет).

Туманский

Год.

Пушкин

(Очень серьезно).

Трудный год.

Туманский

За этот год

Ты тот и вроде бы не тот.

Пушкин

(тихо)

Достиг я грустной зрелости черты,

И с этой крутизны мне стало ясно:

Шум — суета. Шум — трата сил напрасно.

Служенье муз не терпит суеты.

(Пушкин направляется к коляске, и в этот момент дорогу ему пересекает Мальчишка-птицелов. В руках у него клетка с птицей).

Никита! Денег!

Никита

Для чего?

Пушкин

На это дело грех скупиться...

Я должен выкупить...

Никита

Кого?

Пушкин

Почти такое существо,

Как я...

Никита

Опять, наверно, птица.
Но всех не выкупишь.

Пушкин

А жаль.

Мальчик

Я дешево.

Пушкин

Не в том печаль.
А сколько?

Мальчик

Рубль.

Пушкин

Совсем пустое...
За жизни платят по рублю.
Как дешево свобода стоит!..
И все же я ее люблю.

(Дает мальчику деньги, тот хочет убежать).

Куда?

Мальчик

Еще я наловлю...

Никита

Зачем?

Мальчик

А барин мне заплатит!

Никита

Назад!!!

Пушкин

Да. Денег мне не хватит
Платить за все, что я люблю.
Хоть платит, в сущности, поэт
За все...

Мальчик

А чем?

Пушкин

Своею кровью...
За жизнь. За ложь. За солнца свет.
За то, что мы зовем любовью.

Мальчик

Ты брешешь, дядечку.

Пушкин

Постой.
А почему брешу я, милый?

Мальчик

Ты слишком, дядечку малой,
Чтобы так много крови было.

Пушкин

(смеется)

Ах, Цицерон! Дитя мое!
Откуда эти переходы!
Ты прав. Мне надобно ее
Хранить еще и для свободы.

(Никите)

Стихи ты помнишь, что любил
Ты в Кишиневе?

Никита

Да. Конечно.

Пушкин

За них нас Инзов — друг сердечный —
С тобой в Одессу отпустил.
На волю. Не прошло и года,
И в прах развеялись мечты.
Одесса, милая свобода,
Как быстро клеткой стала ты!

Никита

Запоматовал их почти.

Пушкин

Прочти, Никитушка! Прочти!!!

(Никита начинает читать стихи, Пушкин вынимает из клетки птицу и гладит маленькое нахохлившееся существо).

Никита

В чужбине свято соблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птицу выпускаю
При светлом празднике весны.

Пушкин

Я стал доступен утешенью.
За что на Бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я смог свободу даровать!!!

(При последних словах бросает птицу ввысь, как мальчишки пускают голубей. И вместе с взлетевшей птицей взмывает музыка).

Летит! Счастливей всех на свете
Пичуга вольная моя.

Никита

Ах, деньги выбросил на ветер!

Пушкин

Все бросил бы на ветер я!

(Звучит невидимый хор)

Хор

Мы вольные птицы. Пора, брат, пора.

Пушкин

Туда!!!

Хор

Где за тучей белеет гора!

Пушкин

Туда!!!

Хор

Где синеют морские края!

Пушкин

Туда!

Хор

Где гуляем лишь ветер да я!!!

(И снова возникает июльский тополь).

Занавес

НАШИ

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Татьяна ЦУРОВА

"Тревогою обвиты ожиданья..." 284
